

Таким образом, предметное содержание деятельности слушателя при подготовке и переподготовке управленческих кадров проектируется как система учебных проблемных ситуаций, проблем и задач, постепенно приближающихся к профессиональным, заданным моделям. Социальное содержание «присоединяется» в учебный процесс через формы совместной деятельности слушателей, предполагающие учет личностных особенностей каждого, его интересов и предпочтений, следование нравственным идеалам будущего участника работы.

Целенаправленное формирование воздействия на личность руководителя должно осуществляться непрерывно и поэтому предполагает наличие обратной связи – периодической оценки уровня развития интегральных способностей, результативности управленческой деятельности, поведения руководителя. Непрерывность, адекватность, надежность обеспечивается с помощью контекстного обучения.

Исходя из изложенного, при подготовке руководителей предпочтение отдается обучению в деятельности. Обязательными элементами, которого являются:

1. Семиотическая модель (теоретическая информация о специфике профессиональной деятельности);
2. Имитационная модель (моделирование ситуаций будущей профессиональной деятельности);
3. Социальная обучающая модель (типовая проблемная ситуация или фрагмент профессиональной деятельности).

УДК 32.01

МОДЕЛИ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

к.ф.н., доц. Мядель А.П.

Витебский государственный технологический университет

Исторический опыт новейшего времени свидетельствует об актуальности исследования проблем взаимодействия общества и политики, о необходимости прояснения глубинных оснований и меры такого взаимодействия. Вопрос об оптимизации отношений общества и политики приобретает особую важность в контексте поиска человечеством путей преодоления кризиса цивилизации, стратегии самосохранения и разработки модели управляемого перехода к устойчивому развитию.

В свете развёртывания этих процессов возникает проблема поиска оптимальной модели взаимодействия общества и политики, прояснения возможностей и пределов политизации бытия человека и социальных общностей, определения механизмов и форм их политической социализации. Оптимальность такой модели заключается как в её ориентации на решение проблем современного общества так и в способности раскрыть одновременно и конструктивный потенциал политического действия и креативную силу социальной самоорганизации.

Традиционно проблемы политической социализации рассматривались в рамках политической теории среднего уровня. Однако попытка критически оценить основания и сущностные моменты политического самоопределения человека и социальных общностей неизбежно предполагает обращение к философскому анализу. Именно философия, содействуя самоопределению человека в социальной действительности, должна очертить место и роль политики в его жизни. Лишь философия с её стремлением выявить смысл социального бытия в сочетании с ориентацией на широкое, панорамное видение социальной реальности, может ответить на вопросы, возникающие в процессе функционирования, развития и неизбежного соприкосновения с политическим первичных общностей: этносов, конфессий, профессиональных групп. Жизнь современного общества показывает, что не только вера, но и наука, не только индивидуальный эгоизм, но и политическая всеобщность должны знать в нём своё место, адекватно отражающее их возможности и пределы, конструктивный и деструктивный потенциал. Прояснить природу этих возможностей и пределов - задача философской рефлексии.

Кризис современной цивилизации требует мобилизации всего интеллектуального, творческого, организационно-управленческого, нравственного потенциала человечества, чтобы найти путь самосохранения, уберечься от культурной деградации, разработать концепцию устойчивого развития. Опыт новейшей истории показал, что успехи в борьбе с глобальными опасностями достигаются лишь при совместных скоординированных действиях Запада и Востока, Севера и Юга. Обеспечить взаимопонимание и взаимодействие народов и их представителей призвана политика как специфическая сфера человеческой деятельности. Если роль политики в этом деле признаётся международным сообществом, то роль социального и политического знания, и в частности его философского компонента всё ещё недооценивается.

Стоящие перед практической политикой задачи не могут быть решены без существенной трансформации политического мышления, без становления новой парадигмы политики, в центре которой оказываются не вопросы власти, господства, принуждения, а проблемы обеспечения коммуникации социально значимых интересов, поддержания диалога различных сил и мировоззренческих позиций. Способствовать решению этих задач призван философский анализ взаимодействия социального и политического, ориентированный на поиск оптимальной концепции политической социализации.

Политизация представляет собой процесс возрастания роли политики в жизни того или иного общества, более широком вовлечении масс в политическую деятельность, развития их политической активности, усиления политической направленности социальных движений.

Сущность современной модели политизации социальных общностей может быть осмыслена лишь с учетом комплекса многообразных изменений, охвативших как самого человека, социальную структуру и систему социальных функций, так и политический механизм управления обществом. В связи с этим представляет интерес позиция одного из видных социальных теоретиков Запада Н. Лумана, фиксирующая некоторые существенные стороны современных социально-политических процессов. По сравнению с обществами с ярко выраженной иерархической организацией, в которых, по мнению Н. Лумана, «всякая артикуляция смысла и хороших форм общественной жизни есть феномен, свойственный высшим слоям» [1, с.195] в современном социуме ситуация принципиально иная. При отсутствии монополии на артикуляцию интересов от имени всего общества меняется и сам процесс политизации. Одновременно с этим появляются новые (альтернативные) социальные движения, которые «содержат возможность радикальной критики общества, далеко превосходящей то, что мог видеть и на что мог осмелиться Маркс»: этот радикализм состоит «в критике функциональной дифференциации». Парадоксальность позиции новых социальных движений заключается в том, что «их «антипубличность» живет активным обменом с «буржуазной» публикой, через противоположность к которой она рассчитывает обрести четкие очертания» [1, с.196].

Таким образом, именно в плоскости социально-политического взаимодействия обнаруживаются как потенциал общества модерна, так и его внутренняя ограниченность. От структурирующей политизации «асимметричных», в терминологии Н. Лумана, социальных систем функционально дифференцированное общество движется через социально-политическую конкуренцию артикулирующей политизации к новому состоянию социальной целостности. Модель отношений социальных движений и власти формируется и в обществе, и вне его, поскольку средой политизации является «вихрь функциональных замен, всегда уже продуманных, испытанных и либо подтвержденных, либо отклоненных» [1, с.197].

Внутренние механизмы свободной от политического вмешательства самоорганизации субъектов гражданского общества обеспечивают не только выполнение этими субъектами (группами интересов, социальными общностями) своих непосредственных функций, но и оптимальную адаптацию социальной целостности к новым условиям. Одним из способов этой адаптации является способность гражданского общества к переструктурированию, к смене оснований, по которым осуществляется функциональная дифференциация. В процессе этого происходит наложение проблем и противоречий, в результате чего вокруг новых, как правило, экзистенциальных проблем (окружающая среда, здоровье, безопасность и т.п.) формируется общность людей, продолжающих одновременно оставаться членами традиционных экономических, профессиональных, культурных общностей.

Функциональная природа новых общностей проявляется в активной, социально значимой самодетельности их членов. Таким образом, если в случае артикулирующей политизации в самой общности доминировала установка на ожидание удовлетворения политическими институтами артикулируемых интересов, то теперь члены социальных движений сами вносят вклад в достижение артикулируемых целей, требуя лишь гарантий невмешательства со стороны государства, а также создания определенных политических условий для своей деятельности. Наряду с этим задача политических институтов состоит в координации социально-политической активности различных общностей и их объединений. В отличие от политической практики государственного невмешательства в частную жизнь в духе доктрины классического либерализма, новая политика не сводится к формальному юридическому размежеванию локальных пространств свободы. Она предполагает также комплекс мер, стимулирующих спонтанную общественную активность и дополняющую ее централизованными государственными усилиями. Тем самым осуществляется координация действий государства, негосударственных политических образований и неполитических, но общественно значимых акций. Конечной целью этой политической координации выступает не столько стабилизация изменяющихся функций социальных подсистем, сколько нормализация воспроизводства жизни общества во всем ее многообразии.

Сходная ситуация отмечается исследователями и в сфере трудовых отношений. Раскрывая суть новой политики решения проблем занятости, П. Розанваллон подчеркивает, что «люди борются вовсе не за то, чтобы государство всеобщего благосостояния, действуя в патерналистском духе, обеспечивало их жильем, одеждой, питанием, а прежде всего за то, чтобы иметь право жить собственным трудом, получая благодаря этому не только доход, но и признание своей социальной значимости» [2, с.108]. Государство, следовательно, не может отказаться от обеспечения реализации права на труд, как и от «попыток замены пассивного вспомосуществования таким видом социального обеспечения, при котором пособие за бездеятельность хотя бы частично могло трансформироваться в вознаграждение за деятельность» [2, с.110]. Политика и здесь должна создавать пространство деятельности с ориентацией на широкую социокультурную значимость процесса труда. Возврат к модели структурирующей политизации становится невозможным, поскольку можно лишь изменить конфигурацию пространства свободы гражданского общества, а не ликвидировать само это пространство, восстановив доминирование социальной иерархии.

Современная модель политизации социальных общностей — как в рамках прежней, так и в условиях новой их функциональной дифференциации — представляет собой отношения координирующей политизации. Главная ее особенность состоит в одновременном сохранении как пространства свободного развития самих общностей, так и основ социального порядка, стабильного функционирования органов политической власти и управления различными общественными процессами.

Взаимная автономия субъектов коммуникации придает ей характер диалога: политизация общностей, стремящаяся сохранить в политической полифонии голос каждой группы, означает одновременно «социализацию» политики, попытку ее укоренения в разных пластах и видах социальной почвы. Это встречное движение признается субъектами необходимым моментом их взаимодействия, обретает в их

сознании объективные основания. Статусы властвующих и подвластных при этом не устраняются, но абсолютность в их истолковании и реализации исчезает.

Прежде всего, к ним следует отнести формирование новой модели взаимодействия человека и политики — модели ассоциированной индивидуальности, предполагающей, во-первых, свободное вступление индивида в политические ассоциации различного типа, и такой же свободный выход из них, а во-вторых, поддержание оптимального соответствия между обеспечением свободы и автономии личности и сохранением социальной солидарности в обществе. Человек включается в политику не в силу одних лишь онтологических характеристик (он принадлежит к тому или иному этносу, классу, корпорации), а лишь по мере возникновения проблем, требующих, с его точки зрения, собственного политического участия. И хотя содержание самих проблем изменяется, сам принцип политизации продолжает действовать: различные общности представлены в новых социальных движениях именно в той мере, в какой индивиды, их составляющие, заинтересованы в решении комплекса социальных проблем, конституирующих движение.

Список использованных источников

1. Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества/ Н. Луман // Социо-логос. - М.: Прогресс, 1991.
2. Розанваллон П. Новый социальный вопрос/ П. Розанваллон - М.: «Ad Marginem», 1997.

УДК 316. 613. 4

СТРАХ КАК ПРИЧИНА И ПОСЛЕДСТВИЕ СТРЕССА

Ст. преп. Исаченко А.В., к.ф.н., доц. Рудко Е.А.

Витебский государственный технологический университет

В современной жизни стрессы играют значительную роль. Они влияют на поведение человека, его работоспособность, состояние здоровья, взаимоотношение с окружающими.

Стресс представляет собой состояние чрезмерно сильного и длительного психологического напряжения, возникающего, когда нервная система человека получает перегрузку.

Страх может быть, как причиной стресса, так и последствием или реакцией на стресс.

Если возникает неожиданное для человека событие, организм должен психологически приспособиться, чтобы начать работать в новых, стрессовых условиях. В этот момент у человека учащается пульс, повышается давление, напрягаются мышцы спины и шеи, дыхание ускоряется, замедляется пищеварение, наблюдается сухость во рту, возможно потоотделение.

Это типичные признаки стресса. Но эти признаки похожи на признаки, которые появляются у человека испытывающего страх.

Страх является одной из характеристик человеческого бытия, и тенденция осмысления причин и путей его преодоления присутствовала в философских размышлениях мыслителей различных эпох.

Так в Древней Индии страх связывали с переживаниями страданий; в древнекитайской философии страх перед нарушением «дао» как естественного пути развития мира.

В классической историко-философской традиции страх рассматривался с различных позиций.

В онтологическом ракурсе согласно Платону, трусливые или мужественные люди имеют различные мнения о том, какие вещи являются страшными, а какие нет, и чтобы стать бесстрашным, нужно изменить мнение о вещах. Он выделяет два вида страха, которым подвержен человек: страх, ожидаемый человеком и страх мнения окружающих.

В гносеологическом ракурсе страх представлен у Эпикура. Философ говорил о трех видах страха (перед смертью, богами, природой) которые может преодолеть философское образование. Он связал страх и свободу: преодоление страха с помощью знания ведет к обретению свободы.

У Аристотеля психологическое понятие страха концентрируется в особое эмоциональное состояние, сила которого может вылиться в эффект. Он связывает проблему страха с учением о добродетели как «золотой середине» и об аффектах, которые выступают результатом преднамеренных добродетелей или пороках, составляющих качества души. Страх сам по себе порочен как недостаток мужества или излишек трусости. Аристотель причину страха видит в нарушении гармонии в человеческих отношениях.

Понятие страха как экзистенциального чувства вводится С.Кьеркегором, затем разрабатывается К.Ясперсом, М. Хайдеггером, Ж-П. Сартром, А. Камю.

М. Хайдеггер различает страх и боязнь. Боязнь, по его мнению, это испуг, растерянность, которая рождается чем-то конкретным. Страх приходит из «ниоткуда».

Большое внимание исследованию социального страха придавали в философии психоанализа и неофрейдизма (З. Фрейд, Э. Фромм). Так З. Фрейд полагал, что страх – это реакция человека на какую-либо опасность. Различал сознательную и подсознательную формы страха. Исследуя проблему страха, Э. Фромм выделяет социальный страх, источником которого является общество.

Страх – это эмоция, возникающая в результате реальной или воображаемой опасности.

Причины страха бывают, как скрытые, так и явные. Под скрытым понимают боязни, идущие из детства, психологические травмы.

Причинами страха могут быть события, условия или ситуации, являющиеся началом опасности. Это может быть человек или объект. Иногда страх может носить беспредметный характер.